

Виктор Олегович

ПЕЛЕВИН

1962

Виктор
ПЕЛЕВИН

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 24

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки
Валерия Гореликова, Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-09337-9

© В. О. Пелевин, 2009
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

...солдат забытой Богом страны,
Я герой — скажите мне, какого романа?
I'm a soul, Джа.

Пятница

ЧАСТЬ 1

ЖЕЛЕЗНАЯ БОРОДА

I

Когда дорога пошла в гору, старенький паровоз сбавил ход. Это было весьма кстати — за окном открылась панорама удивительной красоты, и оба пассажира в купе, только что закончившие пить чай, надолго погрузились в созерцание.

На вершине высокого холма белела дворянская усадьба, возведенная, несомненно, каким-то расточительным сумасбродом.

Здание было красивым и странным: оно напоминало не то жилище эльфов, не то замок рыцарей-монахов. Белые шпили, стрельчатые окна, легкие мраморные беседки, поднимавшиеся из причудливо стриженных кустов парка, — все это казалось нереальным на сквозном российском просторе, среди серых изб, косых заборов и торчащих по огородам пугал, похожих на кресты с останками еще при Риме распятых рабов.

Но даже необычнее белого замка выглядел пахарь, идущий за плугом по склону холма. Это был высокий чернобородый мужчина мощного сложения, одетый в длинную рубаху. Его ноги были босы, а ладони лежали на ручках деревянного плуга, который тянул за собой конь-битюг.

— Вы не находите, ваше священство, что в этой картине есть нечто библейское?

Вопрос задал пассажир с густыми рыжеватыми усами, одетый в коричневую клетчатую пару и такое же кепи. А обращен он был к молодому священнику в черном клобуке и темно-фиолетовой рясе, сидевшему напротив.

Священник, очень похожий на оставшегося за окном пахаря сложением и бородой, отвернулся от стекла и с любезной улыбкой спросил:

— Что же вы в этом находите именно библейского, сударь?

Господин в клетчатом кепи чуть смутился.

— Нечто перевозданно-величественное, вернее будет сказать, — ответил он. — Библия, как мы знаем, тоже относится к перевозданному и величественному. В таком вот сопоставительном ключе-с. Извините, если неподобающе высказался.

— Ну что вы, — ответил священник. — Не следует быть настолько апологетичным.

— Простите, как?

— Апологетичным, склонным приносить излишние извинения. Миряне при разговоре со священством всегда стараются упомянуть о духовном. Дурного здесь нет, наоборот — отрадно, что мы одним видом своим поворачиваем помыслы к высоким предметам...

— Кнопф, — представился клетчатый господин. — Ардальон Кнопф, торговля скобяными товарами. Я, кажется, так и не назвал. А вы — отец Паисий, я помню.

Священник наклонил черный клобук.

Кнопф опять повернулся к окну. Усадьба и пахарь были все еще видны.

— А знаете ли, что за таинственный замок на холме, отец Паисий? Это Ясная Поляна, усадьба графа Т.

Он выговорил так — «графа Тэ».

— Неужели? — вежливо, но без интереса переспросил священник. — Какое странное имя.

— Графа стали так называть из-за газетчиков, — пояснил Кнопф. — Рассказывая о его похождениях, газеты никогда не упоминают его настоящей фамилии, чтобы не попасть под статью о диффамациях. Эта кличка теперь у него вместо имени.

— Романтично, — улыбнулся священник.

— Да. А по склону, надо думать, идет сам граф Т. У него это завместо утреннего моциона-с. Великий человек.

Отец Паисий сделал вежливое движение плечами, как бы одновременно и пожимая ими в недоумении, и соглашаясь с собеседником.

— А что же, — ответил он, — несколько часов крестьянского труда не повредят и графу.

— Осмелюсь задать вопрос, — быстро проговорил Кнопф, словно только и дожидавшийся этой секунды, — а как вы, ваше священство, относитесь к отлучению графа Т. от церкви?

Священник посерьезнел.

— Это крайне трагический факт, — сказал он тихо, — ибо что может быть скорбнее изгнания чада церкви из ее лона? Но причиной, видимо, являются греховные и непотребные деяния графа. Которые мне, впрочем, не вполне известны.

— Непотребные деяния? Тут я осмелюсь возразить вашему священству. Граф Т. — один из высоких нравственных авторитетов нашего времени. И его величие от отлучения ничуть не умалилось. А вот авторитет церкви-с...

— Какие же у вас имеются основания считать графа Т. нравственным авторитетом? — полюбопытствовал священник.

— Как же-с. Защитник угнетенных, благородный аристократ, не боящийся бросить вызов злу там, где бессильны полиция и правительство... Кумир простых

людей. Любимец женщин, наконец. Настоящий народный герой, хоть и граф! Неудивительно, что его начинает опасаться даже правящий дом.

Слова «правлящий дом» Кнопф выговорил шепотом, выразительно выпучив глаза, и ткнул пальцем вверх.

— Суета сует и всяческая суета, — проговорил отец Паисий с улыбкой. — Нравственный авторитет покупается ценой гонений и мук и не связан с одобрением толпы. Иначе придется приписать его и танцовщице, которая по вечерам поднимает голые ножки перед лорнирующим залом.

И отец Паисий показал двумя пальцами, как именно поднимаются ножки.

— Однако же граф Т. не танцовщица, — возразил Кнопф. — И гонений отнюдь не избежал. Знаете ли вы, что за ним установлен тайный надзор полиции и ему запрещено покидать усадьбу? Власти якобы опасаются за его рассудок. По слухам из семейных кругов, граф принял решение уйти в Оптину Пустынь.

— Оптину Пустынь? — Отец Паисий нахмурился. — А с какой целью? И что это такое?

— Цель графа мне неизвестна. А о смысле сих слов говорят очень разное. Одни полагают, что это некий тайный монастырь, где граф собирается получить духовное напутствие у святых старцев-схимомонахов. Другие утверждают, что «Оптина Пустынь» есть принятое у секты исихастов обозначение предельного мистического рубежа, вершины духовного восхождения, и это не следует понимать в географическом смысле. Третьи, в правительственных кругах... Совсем не представляю их мыслей, но по какой-то причине намерение графа проникнуть в Оптину Пустынь представляется им опасным. И наперерез Железной Бороде посланы лучшие агенты охраны.

- Железной Бороде? — переспросил священник.
- Да, так графа называют в Третьем отделении.
- Откуда у вас эти сведения?

Кнопф с готовностью вынул из кармана сложенную газету:

- А вот, пишут в «Петербургских Дребезгах».
- Священник засмеялся.

— На вашем месте я не придавал бы значения слухам, которые распространяют подобные издания. Это все пустые сплетни, поверьте мне.

Кнопф посмотрел на часы, потом внимательно взглянул на священника.

— Однако же сведения о домашнем аресте графа самые доподлинные, — сказал он. — У меня, знаете ли, есть знакомства в полиции. Мне это по секрету рассказали. И еще много интересного.

- Что же именно, позвольте полюбопытствовать?

— Говорят, — сказал Кнопф, пристально глядя на отца Паисия, — граф Т. завел себе двойника, высокого детину из крестьян. Сделал ему бороду из старого парика. И отправляет пахать к курьерскому каждый раз, когда хочет незаметно исчезнуть из усадьбы. А сам скрывается в переодетом виде. Садится на поезд, вот как раз где вы вошли, батюшка, и едет себе по делам...

— Вон оно что, — отозвался отец Паисий. — Интересно. Однако же, господин Кнопф, для торговца скобяными товарами вы очень осведомлены о полицейских делах.

— А вы, батюшка, для священника переизбыточно экипированы. Вон какой у вас револьверище-то под рясой, рукоять аж выпирает. Зачем вам такой?

Священник сунул руку под рясу и вытащил оттуда длинный сверкающий револьвер.

— Этот-то? — спросил он, с некоторым словно бы удивлением осмотрев его. — Да от волков. Приход

наш в лесах, путь от станции далекий. Дорога дальняя, да ночка темная...

— «Саваж», французский? — промурлыкал Кнопф. — Хорош. А давайте я вам свой покажу...

И он вытащил из-за пазухи горбатый полицейский «смит-вессон».

Странное положение дел сложилось в купе.

Фиолетовый священник и клетчатый господин сидели на своих кожаных диванах с револьверами в руках — и не то чтобы прямо угрожали ими друг другу (разговор их был скорее шуточный и веселый), но все же ясно и недвусмысленно направляли нарезные стволы друг на друга.

— И раз уж мы заговорили про графа Т., — сказал Кнопф. — Знаете ли вы, что такое непротivление злу насилieм?

— Конечно, — ответил священник, поигрывая револьвером. — Это морально-этическое учение о недопустимости воздаяния злом за зло. Оно опирается на евангельские цитаты, правда произвольно подобранные. Господь наш действительно сказал «ударившему тебя по правой щеке подставь левую». Но господь сказал и другое — «не мир я принес, но меч...»

— Моральное учение, говорите? — спросил Кнопф, поглаживая пальцем барабан. — А у меня другие сведения.

— Какие же?

— Граф Т. всю жизнь обучался восточным боевым приемам. И на их основе создал свою школу рукопашного боя — наподобие французской борьбы, только куда более изощренную. Она основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия. Железная Борода достиг в этом искусстве высшей степени мастерства. Именно эта борьба и называется «не-

противление злу насилием», сокращенно «незнас», и ее приемы настолько смертоносны, что нет возможности сладить с графом, иначе как застрелив его.

Рассказ Кнопфа определенно действовал на отца Паисия — тот испуганно схватился рукой за бороду, словно опасаясь каких-то последствий для нее от этого рассказа. Ствол его револьвера, однако, по-прежнему смотрел в сторону Кнопфа.

— Железная Борода, — сказал он, вытаращив глаза, — вот оно что... А почему такая странная кличка?

Кнопф пожал плечами.

— Азия-с... А упомянутый вами моральный аспект непротивления злу — это просто декоративная философия, которую азиаты так любят присовокуплять к своим кровожадным военным искусствам. Поэтому преследователям, которые посланы в погоню за графом Т., велено открывать огонь, если он попытается оказать сопротивление.

— Какие ужасы вы рассказываете, — охнул отец Паисий. — Неужели они прямо-таки станут стрелять в этого отверженного? Ведь смерть вне лона церкви, пока над ним довлеет анафема, — это верная дорога в геенну!

— Ах, батюшка, а что же делать служивым людям? Ведь графа иначе не взять. Это ужасный противник — хотя, надо признать, руки в крови он старается не пачкать. Его азиатская философия именно в том, чтобы не отвечать ударом на удар, а возвести между собой и противником смертельную преграду, о которую расшибется атака, а вместе с ней и атакующий. Препона может быть любой, и в умении создавать ее графу Т. нет равных.

— Значит, в графа будут стрелять? — переспросил отец Паисий. Он, казалось, никак не мог вместить эту ужасную мысль.

— Боюсь, что да, — сокрушенно подтвердил Кнопф.

В воздухе повисло напряженное молчание. А затем дневной свет вдруг померк и наступила тьма — поезд въехал в туннель, и перестук колес, отраженный от каменных стен, сразу заглушил все остальные звуки.

Неизвестно, что именно происходило в грохочущей темноте в следующую минуту или две. Но, когда опять стало светло, купе выглядело более чем странно.

В воздухе плавали клубы сизого порохового дыма. В оконном стекле зияли три пулевые пробоины. Простреленный клубок отца Паисия валялся на полу. Бессознательный Кнопф с багровым кровоподтеком на лбу лежал на кожаном диване, открыв рот и выставив перед собой связанные собственным галстуком руки. А отец Паисий возился с замками окна.

В дверь купе громко постучали. Отец Паисий никак на это не отреагировал — только удвоил усилия. Но окно не поддавалось: видимо, деревянная рама разбухла от сырости, и ее заклинило.

В дверь постучали еще раз.

— Отоприте!

— Одну секунду, господи, — откликнулся отец Паисий. — Мне только надо одеться.

С этими словами он примерился и ударил ногой в окно. Пробитое пулями стекло лопнуло и исчезло под ударом ветра. Быстро выдернув из рамы самые крупные осколки, отец Паисий швырнул их следом.

— Не валяйте дурака, открывайте немедленно! — раздалось из коридора. — Иначе мы выломаем дверь!

— Сейчас, сейчас...

Отец Паисий выглянул в окно. Впереди была широкая река — поезд уже подъезжал к мосту.

— Отлично, — пробормотал он.

В дверь ударили, и отец Паисий зашпешил. Отвернув нижний край рясы, он высвободил две пришитых

к ее кромке петли и, словно в стремена, вдел в них башмаки. Такие же две петли оказались в рукавах; отец Паисий продел в них ладони. После этого он залез на столик и присел на корточки перед выбитым окном, похожим на квадратную пасть с редкими прозрачными зубами.

Раздался сильнейший удар, и дверь слетела с петель. В купе ввалились люди с револьверами в руках — их было много, и они мешали друг другу. Прежде чем они добрались до стола, отец Паисий сильно оттолкнулся от него ногами и выбросился из поезда.

Преследователи бросились к окну. Первый из них, вскочив на столик, отважно прыгнул следом — и с жутким стуком врезался головой в ферму моста, вдруг возникшую из пустоты. Его тело отлетело от чугунной конструкции, ударилось о вагон и мешком свалилось на землю. В купе раздались крики досады и гнева. Затем из окна высунулся другой преследователь с двумя револьверами в руках.

За фермами моста видна была спокойная, будто застывшая на дагерротипе, река под сенью высоких перистых облаков. Над водой, как полный ветра зонт, парила фиолетовая ряса отца Паисия. Скользя по воздуху огромной белкой-летягой, он приближался к поверхности воды.

Захлопали выстрелы. Одна пуля отрикошетила от фермы, остальные подняли фонтанчики над рекой. А затем толпящиеся в купе люди потеряли отца Паисия из вида.

II

Сброшенная ряса медленно уплыла в подводную мглу, и на поверхность реки вынырнул уже не отец Паисий, а граф Т. — молодой чернобородый мужчина

в белой рубахе без ворота. Глубоко вдохнув, он открыл глаза и посмотрел в небо.

Свод ровных перистых облаков казался крышей, превратившей пространство между землей и небом в огромный открытый павильон — прохладный летний театр, в котором играет все живое. Было тихо, только откуда-то издалека доносился шум уходящего поезда, и еще слышался мерный плеск воды, словно кто-то через равные интервалы времени кидал в воду пригоршни камней.

Несмотря на только что пережитую опасность, Т. ощутил странный покой и умиротворение.

«Небо редко бывает таким высоким, — подумал он, щурясь. — В ясные дни у него вообще нет высоты — только синева. Нужны облака, чтобы оно стало высоким или низким. Вот так и человеческая душа — она не бывает высокой или низкой сама по себе, все зависит исключительно от намерений и мыслей, которые ее заполняют в настоящий момент... Память, личность — это все тоже как облака... Вот, например, я...»

Вдруг настроение Т. самым резким образом переменялось. Умиротворение исчезло, сменившись внезапным испугом — Т. даже сделал несколько произвольных резких гребков.

«Я... Я?? Почему я ничего не помню? Контузило пулей? Стоп... Этот человек, Кнопф, сказал, что меня зовут граф Т. и я пробираюсь в Оптину Пустынь. А откуда я ехал? Ага, он сказал — из Ясной Поляны, это усадьба, которую мы видели за окном... Но зачем я ехал из Ясной Поляны в эту Оптину Пустынь?»

Т. огляделся.

Из-под моста показался корабль. Он был странного вида — похож на большую баржу, но отчего-то с веслами, торчащими из люков в бортах. Весла слаженно поднимались над рекой, замирали на миг и ру-

шились назад в воду, производя тот самый плеск, который Т. слышал уже с минуту.

Чем ближе подплывал корабль, тем больше открывалось необычных деталей. Его украшало подобие носовой фигуры — копия Венеры Милосской на дощатом постаменте (судя по нежной игре света, это был настоящий мрамор). На носу корабля, как на греческой триере, были намалеваны два бело-синих глаза, а над палубой возвышалась надстройка, удивительно похожая на небольшой одноэтажный дом из какого-нибудь уездного городка. Однако, несмотря на все эти художества, было видно, что корабль — никакая не триера, а просто большая грузовая баржа.

Оказавшись возле борта, Т. поплыл под весельными люками. За ними сидели хмурые мужики в подобии греческих хитонов из серой сермяги. Никто из них даже не посмотрел в сторону Т., плывшего совсем рядом.

«Землепашцы, — подумал Т., стараясь держаться ближе к борту. — Оторванные от естественной стихии, превращенные в рабов чужой прихоти... Впрочем, поставить землепашца у станка на городской фабрике — это ведь, в сущности, такое же точно издевательство...»

Последний в ряду люк оказался пустым — пространство за ним было отделено от остальной части трюма перегородкой, за которой можно было спрятаться. Ухватившись за край дыры, Т. подтянулся и, стараясь не производить шума, влез внутрь. Кажется, его никто не заметил.

В трюме пахло мякиной и потом. Мужики, сидевшие на приделанных к полу скамьях, слаженно ухали, раскачиваясь взад и вперед. В проходе стоял надсмотрщик, одетый в такой же сермяжный хитон, что и на гребцах, только с серебряной пряжкой на плече. Он задавал ритм, ударяя в медный таз деревянной колотушкой в виде головы барана.

Дождавшись, когда он отвернется, Т. толкнул дверь с грубо нарисованным Аполлоном-лучником и выскользнул из трюма. За дверью была узкая деревянная лестница. Поднявшись по ней, Т. вышел на палубу.

Почти все ее пространство занимала надстройка, похожая на вытянутый одноэтажный дом. Собственно, это и был самый настоящий одноэтажный дом — с жестяной крышей и фальшивыми колоннами, отсыревшая штукатурка которых кое-где отвалилась, обнажив сосновую драпку. В стенах, как и положено, были окна и двери.

Т. осторожно заглянул в окно. За плотными шторами ничего не было видно.

Внезапно ближайшая дверь приоткрылась, и тихий мужской голос позвал:

— Ваше сиятельство! Быстрее сюда!

Т. подошел к двери. За ней оказался чулан с разным хламом на полках. Людей внутри не было.

— Входите же, — настойчиво повторил непонятно откуда раздающийся голос.

Т. шагнул внутрь, и дверь закрылась, словно притянутая пружиной. Вокруг сразу сгустилась чернильная темнота. Как Иона в чреве кита, подумал Т. и вдруг отчетливо представил себе библейского пророка — в желтых ризах, с виноватым умильным лицом и длинными волнистыми волосами, обильно смазанными маслом.

— Если вы осторожно отступите назад, — сказал голос, — вы нащупаете за собой стул. Присаживайтесь.

— Я вас не вижу. Вам угодно прятаться?

— Прошу вас, граф, присядьте.

Т. опустился на стул.

— Кто вы такой? — спросил он.

— А сами вы кто?

— Поскольку вы обратились ко мне «ваше сиятельство», — ответил Т., — я предполагаю, что вам это известно.

— Мне-то известно, — произнес голос. — А вот известно ли вам?

— Я граф Т., — ответил Т.

— А что такое «граф Т.»?

— То есть?

В темноте раздался смех.

— У вопроса есть, например, философский аспект, — сказал голос. — Можно долго выяснять, что именно называется этим словосочетанием — нога, рука, полная совокупность частей тела или же ваша бессмертная душа, которую вы никогда не видели. Однако я не об этом. Говорят, в Ясной Поляне вас посещают индийские мудрецы, вот и ведите подобные беседы с ними. Мой вопрос имеет чисто практический смысл. Что вы про себя помните и знаете, граф Т.?

— Ничего, — честно признался Т.

— Очень хорошо, — сказал голос и снова хихикнул. — Именно так я и предполагал.

— Вы не сказали, кто вы.

— Я тот, — ответил голос, — кто имеет безграничную власть над всеми без исключения аспектами вашего существа.

— Смелое заявление, — заметил Т.

— Да, — повторил голос, — над всеми без исключения аспектами.

— Я должен верить вам на слово?

— Отчего же на слово. Я могу представить доказательство... Например, такое: объясните, пожалуйста, почему совсем недавно, подумав о пророке Ионе, вы вообразили его одетым в желтое? Не в зеленое, не в красное, а именно в желтое? И почему его волосы были в масле?

Повисла долгая пауза.

— Должен признаться, — отозвался наконец Т., — вы меня изумляете. Откуда вам это известно? Я не имею привычки бормотать вслух.

— Вы не ответили.

— Не знаю, — сказал Т. — Должна ведь на нем быть одежда. А масло на волосах... Видимо, случайное сближение... Дайте вспомнить... Подумалось отчего-то о пьяных рубенсовских сатирах, которые тут совершенно ни при чем... Но каким образом...

Т. не договорил — ему показалось, что темнота впереди сгустилась в угрожающий твердый клин, который вот-вот ударит его прямо в грудь, и он ощутил необходимость срочно предпринять какое-то действие. Стараясь двигаться бесшумно, он сполз со стула на пол и пригнулся. Ощущение опасности ушло. А еще через миг Т. перестал понимать, почему так вышло, что он стоит на коленях, упершись руками в пол.

— Ну, — сказал голос насмешливо, — это тоже случайное сближение? Я имею в виду пережитый вами страх перед темнотой? И странное для аристократа желание встать на четвереньки?

Т. поднялся с пола, нащупал стул и снова сел на него.

— Прошу вас, объяснитесь, — сказал он. — И прекратите эти выходки.

— Поверьте, я не получаю от них никакого удовольствия, — ответил голос. — Просто теперь вы на опыте знаете, что источник всех ваших мыслей, переживаний и импульсов находится не в вас.

— Где же он?

— Я уже сказал, этот источник — я. Во всяком случае, в настоящий момент.

— Одни загадки, — сказал Т. — Я хочу вас увидеть. Зажгите свет.

— Что же, — отозвался голос, — это, пожалуй, можно.

Загорелась спичка. Т. не увидел перед собой никого. Ничего необычного в чулане тоже не было: какие-то тюки, банки и бутылки на полках. В самом темном углу померещилось шевеление — но это оказалась просто дрожащая тень от мотка веревки.

Была, впрочем, одна странность.

Спичка, которая зажглась в двух шагах от Т., висела в пустоте.

Плавно спустившись вниз, она зажгла стоящую на ящичке керосиновую лампу, причем ее колпак сам собой поднялся и опустился на огонек. Затем колесико лампы повернулось, и огонек из красновато-желтого стал почти белым.

Перед лампой никого не было. Но Т. заметил на стене напротив еле заметный контур человеческого тела — тень, которую отбросил бы стоящий у лампы человек, будь он почти прозрачным.

Вскочив, Т. вытянул руку, чтобы коснуться прозрачного человека — но его рука схватила воздух.

— Не трудитесь, — сказал голос. — Вы сможете схватить меня руками только в том случае, если я захочу этого сам — а я не хочу. Дело в том, что я создаю не только вас, но и все вами видимое. Я выбрал стать тенью на стене, но точно так же я могу стать чем угодно. Как создатель, я всемогущ.

— Как ваше имя?

— Ариэль.

— Простите?

— Ариэль. Вы «Бурю» Шекспира помните?

— Помню.

— Пишется так же, как имя из «Бури». Приятно было познакомиться, граф. На этом наше первое свидание заканчивается. Сегодня я появился перед вами,

чтобы сказать — успокойтесь и ведите себя так, словно все в порядке и вы уверены в себе и окружающем.

— Но я не уверен в себе, — ответил Т. шепотом. — Наоборот. Я ничего про себя не помню.

— В вашей ситуации это нормально. Никому не жалуйтесь, и все придет в норму.

— Я не знаю, куда и зачем я иду.

— Вы это уже знаете, — отозвался Ариэль. — Вам объяснили — вы идете в Оптину Пустынь. Так что возвращайтесь на палубу и продолжайте путешествие.

Т. показалось, что последние слова донеслись откуда-то совсем издалека. Прозрачная тень на стене исчезла, и сразу вслед за этим погасла лампа. Некоторое время Т. сидел в темноте, даже не пытаясь связно думать. Затем он услышал звуки струн. Встав, он нащупал дверь, открыл ее и решительно шагнул в полосу солнечного света.

III

Навстречу ему по палубе двигалась странного вида процессия.

Впереди шествовал молодой безбородый мужик, одетый в грубую тунику из сермяги — такую же, как на гребцах. В его волосах блестел золотой веноч, а руки сжимали лиру, струны которой он теребил с задором опытного балалаечника, морща лицо и приборматывая что-то вслух. Следом шла полная дама, одетая в многослойный хитон из легкой полупрозрачной ткани. За дамой шли два мужика со сделанными из перьев опахалами в руках — они работали слаженно и четко, как пара деревянных кузнецов-медведей на общем стержне: когда один опускал опахало к голове дамы, другой поднимал свое, и наоборот.

Увидев Т., дама остановилась. Смерив взглядом его мускулистую фигуру в мокрой рубаше и плотно

обтягивающих ноги панталонах со штрипками, она спросила:

— Кто вы, милостивый государь?

— Т., — ответил Т. — Граф Т.

Дама недоверчиво улыбнулась.

— Значит, это не просто внешнее сходство, — сказала она. — Какая честь для бедной провинциалки! Сам граф Т... Я княгиня Тараканова к вашим услугам. Но чем обязана удовольствию видеть вас в гостях, ваше сиятельство? Опять какое-нибудь безумное приключение, о котором будут писать все столичные газеты и болтать все салоны?

— Видите ли, княгиня, я ехал в поезде, но отстал от него и упал с моста в реку. Не появившись из-под моста ваш корабль, я бы, наверно, утонул.

Княгиня Тараканова засмеялась, кокетливо закатывая глаза.

— Утонули? Позвольте вам не поверить. Если хоть часть тех историй, которые о вас рассказывают, правда, вы способны проплыть всю эту реку под водой. Но на вас мокрая одежда? И вы голодны?

— Признаться, насчет голода вы угадали.

— Луций, — сказала княгиня мужику с опахалом, — проводи графа в комнату для гостей. А как только он переоденется в сухое, веди к столу.

Она повернулась к Т.

— Сегодня у нас на обед фамильное блюдо. *Broschet tarakanoff*, щука по-таракановски.

— Вообще-то, я придерживаюсь вегетарианской диеты, — сказал Т. — Но ради вашего общества...

— Какое вино будете пить?

— Писатель Максим Горький, — с улыбкой произнес Т., — обычно отвечал на этот вопрос так: «хлебное». За что его очень ценили в славянофильских кругах, но недолюбливали в дорогих ресторанах... Ну а я предпочитаю воду или чай.

Через четверть часа Т., одетый в халат красного шелка и свежепричесанный, вошел в столовую.

Столовая оказалась просторной комнатой, украшенной копиями античных скульптур и древним бронзовым оружием на стенах. Вокруг изысканно сервированного стола были расставлены банкетки, накрытые мягкими разноцветными покрывалами; княгиня Тараканова уже возлежала на одной из них. Т. понял, что пустое ложе напротив приготовлено для него.

На огромном овальном блюде, занимавшем всю центральную часть стола, покоилось какое-то небывалое существо — дракон с зеленой гривой и четырьмя изогнутыми лапками. Он выглядел пугающе реально.

— Make yourself comfortable, граф, — сказала княгиня. — Хлебного вина у меня нет, зато есть недурное белое. Мускаде сюр ли. Хотя вообще я не люблю Бретань...

Она указала на серебряное ведро, из которого торчало бутылочное горлышко.

Устроившись на ложе, Т. взял салфетку и уже хотел заправить ее за ворот халата, но понял, что это трудно будет сделать, лежа на животе, — да и ни к чему.

— Так это и есть ваша щука? — спросил он. — Никогда не догадался бы, не предупреди вы меня заранее. Для щуки, пожалуй, великовато...

— Щука по-таракановски — очень необычное блюдо, — сказала княгиня с гордостью. — Она делается из нескольких крупных рыб, незаметно соединенных вместе. В результате получается дракон.

— А из чего сделаны его лапки?

— Из угрей.

— А эта зеленая шерстка?

— Укроп.

Дракон действительно был сделан с большим мастерством — невозможно было заметить место, где од-

на рыбина соединялась с другой. Он кончался замысловато изогнутым рыбьим хвостом, а начинался щучьей головой с широко разинутой пастью: эта голова была гордо поднята вверх и украшена кавалерийским плюмажем из зелени и полосок цветной бумаги.

— Зачем убивать столько живых существ, чтобы насытить двух представителей праздного сословия? — меланхолично спросил Т.

— Не волнуйтесь, граф, — улыбнулась княгиня. — Я знакома с вашими взглядами. Уверяю вас, ни одно живое существо не погибло зря. Кроме нас с вами, на корабле много едоков.

— О да, — сказал Т. — Я заметил. Когда проходил через трюм.

Княгиня покраснела.

— Вы, возможно, считаете, что я эксплуатирую этих людей? — спросила она, произнося иностранный глагол через «о». — Ничуть. Это бывшие бурлаки, и для них такая работа привычна. Вы сами, граф, часто говорите газетчикам о пользе физического труда на свежем воздухе. Кроме того, поработав у меня год или два, они накопят себе на старость. Поэтому не спешите меня осуждать.

— Как я могу осуждать свою спасительницу, что вы. Я мог бы только отметить некоторую экстравагантность вашего вкуса... — Т. отпил из бокала, — вашего безупречного вкуса, княгиня. Великолепное вино.

— Благодарю, — сказала княгиня. — Я понимаю, что мой образ жизни может показаться странным. Эдакая пародия на античность. Помещица бесится с жиру. Но только во всем этом, уверяю вас, есть глубокий духовный смысл. Помните узелочки, которые завязывают на платке, чтобы не забыть о чем-то важном? Вот и здесь тот же принцип. Такова была последняя

воля покойного князя. Моя жизнь устроена подобным образом для того, чтобы все вокруг заставляло меня помнить о главном.

— О чем же? — спросил Т. с неподдельным интересом.

— Попробуйте догадаться с трех раз, граф.

— Я вряд ли сумею.

— Могу помочь. Что приходит вам на ум, когда вы думаете об античности?

— Ну... — Т. замялся.

— Об этом сразу забудьте, — хохотнула княгиня, — шалунишка... Что еще?

Т. посмотрел на набор гладиаторского снаряжения, висящий на стене.

— Цирковые бои?

Княгиня отрицательно покачала головой.

Т. поглядел на Артемиду с ланью, потом на Аполлона, целящего куда-то из воображаемого лука.

— Многобожие?

Княгиня подняла на Т. удивленные глаза.

— Поздравляю, вы угадали! Именно, граф. Покойный князь был глубочайшим знатоком античности и посвятил меня в тайную доктрину древних. Однако мои духовные способности не внушали ему доверия — и он завел домашний уклад, где каждая деталь должна была напоминать мне об этом возвышенном учении. Князь завещал ничего не менять после его смерти.

— Надеюсь, вас не оскорбит мой вопрос, но что возвышенного в многобожии?

— Современные люди не понимают, что это такое на самом деле. Даже в античные времена суть многобожия открывалась только посвященным в мистерию. Но покойный князь владел древней книгой, которая раскрывала секрет, — она сохранилась в единственном списке и была приобретена им в одном итальянском

монастыре. По преданию, книгу написал сам Аполло-
ний Тианский.

— И что там было сказано?

— Во-первых, там опровергалась доктрина сотво-
рения мира.

— Каким образом?

— Дело в том, что эта причудливая теория, зара-
зившая западный ум множеством диких представле-
ний, основана исключительно на аналогиях с жизнью
крупного рогатого скота, за которым тысячелетиями
наблюдали наши предки. Неудивительно, что у них
возникла идея о сотворении. Удивительно другое —
эти представления до сих пор лежат в фундаменте
всего здания современной духовности...

— Простите, — сказал Т., — но я не могу взять
в толк, при чем здесь крупный рогатый скот.

— Скоты оплодотворяют друг друга, а затем рож-
дается новое животное, для существования которого
уже не требуется, чтобы его, так сказать, зачинали се-
кунда за секундой. Перенеся это наблюдение на выс-
шие сферы, люди древности решили, что и там дейст-
вует тот же принцип. Есть подобный зачатию момент
творения, в котором участвует божество-гермафрод-
дит, оплодотворяющее само себя. Они назвали это
«сотворением мира». А дальше, после родов, мир су-
ществует по инерции — поскольку он уже зачат и по-
рожден.

— Никогда не думал, что подобное воззрение свя-
зано со скотоводством.

— Видите, — сказала княгиня, — концы упрятаны
так глубоко, что никому и в голову не приходит эта
простейшая мысль.

— А как видели сотворение мира последователи
многобожия?

— Они считали, что творение происходит до сих
пор — непрерывно, миг за мигом. В разное время нас

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. ЖЕЛЕЗНАЯ БОРОДА.....	7
Часть 2. УДАР ИМПЕРАТОРА.....	187

Пелевин В.

П 24 **Т**: роман / Виктор Пелевин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 416 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-09337-9

Граф Т. направляется в сторону загадочной местности под названием «Оптина Пустынь». Минуя всевозможные препятствия, он неуклонно приближается к цели, не видя, однако, ни смысла, ни причин своего опасного путешествия. Впрочем, вскоре ему предстоит усомниться не только в иллюзорности своей миссии, но также и в собственной реальности, а заодно и в реальности всего окружающего мира. Сомнения графа Т. весьма актуальны, недаром главные вопросы современности вовсе не „что делать?“ и „кто виноват?“, а „где я?“ и „кто здесь?“.

Предлагаем вниманию читателей один из самых увлекательных и необыкновенных романов Виктора Пелевина.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВИКТОР ОЛЕГОВИЧ ПЕЛЕВИН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.09.2018.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-VAK-17360-05-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/